

АКИХИРО ИВАСИТА
(ЯПОНИЯ)

«СКОНСТРУИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ»: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРАХ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*Акихиро Ивасита, профессор Центра славяно-евразийских
исследований Университета Хоккайдо (Япония).
E-mail: iwasi@slav.hokudai.ac.jp*

Аннотация: Автор подвергает конкретному рассмотрению и теоретическому анализу неурегулированные территориальные проблемы Японии с соседними государствами, а именно: спор России с Японией из-за Южнокурильских островов (северных территорий); конфликт с Китаем по поводу островов Дяоюйдао (Сенкаку) и спор с Южной Кореей относительно острова Токто (Такесима). При очевидных различиях в истории формирования и существе всех трех конфликтных ситуаций, автор подчеркивает искусственный характер этих территориальных проблем, которые тормозят развитие дружественных отношений между Японией и ее соседями. В этой опасной игре вряд ли кому удастся выйти победителем.

Ключевые слова: территориальные споры, сконструированный образ, Россия, Япония, Корея, Китай.

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни территория понимается как «конструктивистская», своего рода искусственная сущность в контексте национализма. Трудно спорить с тем, что территориальные споры в Восточной Азии искусственно поддерживаются националистическим дискурсом, «раздуваются» СМИ и системой образования. Недавние конфликты за спорные острова близ Японии вполне можно охарактеризовать таким термином политической географии, как «территориальная ловушка».

События в Восточной Азии — тот объект сравнительного анализа, изучение которого крайне необходимо для теоретического развития так называемых приграничных исследований. Эти исследования возникли и развивались применительно к обширной территории от Северной Америки (между США и Мексикой, США и Канадой) до Европы (трансформация границ в Восточной Европе после окончания «холодной войны», территориальные измене-

ния в СССР и ЕС). Все эти случаи, которые описывают континентальные территориальные споры, хорошо известны. Вместе с тем аналогичные споры на море в регионе Восточной Азии остаются менее изученными. Для Японии значимость этих споров очевидна. В период «холодной войны», когда основные конфликты развивались вокруг континентальных границ в Евразии (между СССР и Китаем, Северной и Южной Кореей), Япония, «защищённая» морями, была относительно безопасным местом. Но за время «холодной войны» народы устали от нескончаемых конфликтов на материке, и крупные споры постепенно затихли (даже если и не были полностью разрешены, как, например, в случае российско-китайских противоречий).

В это же время, начиная с 1970 года, морское право подверглось серьёзным изменениям и давлению со стороны конкурирующих центров силы: ширина территориальных вод была увеличена с 3 до 12 миль, а исключительная экономическая зона (ИЭЗ) установлена в пределах 200 миль от берега. Как следствие — между заинтересованными сторонами появилась конкуренция за морское пространство, а статус перекрестных территориальных вод надлежало регулировать путём переговоров и соглашений. Именно с такими проблемами столкнулась Япония, так как с материковой стороны она делит морские зоны с Россией, Кореей, Китаем и Тайванем. Новые условия рыболовства совместно с Россией и временные зоны использования рыбных ресурсов с Кореей и Китаем были установлены в 1990-х годах.

В этом контексте территориальная проблема для Японии приобрела новый смысл. Страна имеет многочисленные острова, которые усеивают океан и требуют больших затрат на содержание. Однако именно эти острова превратились в своеобразный подарок, с помощью которого Япония может претендовать на обширные территориальные воды и исключить другие страны из использования их ресурсов. Более того, Япония в настоящее время обладает шестой по величине ИЭЗ в мире, являясь при этом 61-й по размеру территории.

Однако есть и другая сторона медали. Некогда забытые маленькие острова стали объектами территориальных претензий. Корея и Китай также признали значимость Такэсимы / Токто и Сенкаку / Дяоюйдао в изменяющихся «правилах игры» на море. Такая логика исторически сложившихся претензий на острова имеет множество отсылок в прошлое, но основания данных претензий стали куда более прагматичными. Владение спорными островами даёт стране большое приращение ИЭЗ. А это — один из важнейших аспектов территориальных проблем в Восточной Азии. На этом фоне заинтересованные стороны начинают использовать любой вид исторического дискурса, особенно былой японский империализм, с целью оправдать свои собственные действия на спорных территориях. В частности, «историческая фобия» нынешней администрации Синдзо Абэ (например, отрицание существования «женщин для утех», официальный визит Абэ в храм Ясукуни, пересмотр учебников и некоторая проимперская ориентация) даёт Китаю и Корее веские основания для критики «забывшей про Вторую мировую войну» Японии.

Центр по изучению приграничных конфликтов (IBRU) Даремского университета рассматривает подобные споры вокруг проблемы островов и демаркации морских границ. Независимо от утверждений заинтересованной стороны (таких, как утверждение Кореи, что не существует территориального спора с Японией по поводу Токто), международное сообщество признает конфликты касательно Северных территорий / Южных Курил, Такесимы / Токто и Сенкаку / Дяоюйдао. Предлагаю рассмотреть конструктивистские аспекты этих трёх островных споров.

РАССМОТРЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ ЯПОНИИ С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Южные Курилы / Северные территории

Для Японии статус Северных территорий определяется тем, что Советский Союз, проигнорировав Пакт о нейтралитете с Японией, внезапно оккупировал Курильские острова в конце Второй мировой войны. На самом деле этот спор берет свое начало в переговорах о заключении мирного договора между двумя странами в 1955–1956 годах. Советский Союз неожиданно предложил передачу Японии двух островов (Шикотан и Хабомаи) сразу после подписания мирного договора, и Япония почти приняла это предложение. При этом тер-

риториальный вопрос с Советским Союзом не был единственным. В те дни Япония имела и другие подобные проблемы, касающиеся Окинавы и Огасавары, которые находились под контролем США.

Действительно, территориальные претензии Японии на Южные Курилы связаны с такими же претензиями касательно островов группы Окинава. Советская сторона планировала выманить Японию из лагеря США с помощью розыгрыша «территориальной карты». В свою очередь Джон Даллес, тогдашний госсекретарь США, возразил, что Штаты не могут гарантировать суверенитет Японии над Окинавой, если Япония примет предложение о передаче ей двух островов. В результате Япония изменила свою прежнюю позицию и вновь предложила вариант возврата четырёх островов, который включал Итуруп и Кунашир как единственно приемлемое для неё решение. Получается, Северные территории стали своего рода результатом, пусть и косвенным, «холодной войны» в треугольнике США – Россия – Япония.

Проблема была в основном создана в контексте «холодной войны». Позиции сторон относительно проблемы были противоположными: Япония требовала вернуть сразу четыре острова, понимая, что Советский Союз никогда не пойдет на это, в то время как СССР, где уже поняли, что Япония никогда не выйдет из союза с США, настаивал, что дискуссия о принадлежности островов отсутствует как таковая. Япония провела общенациональную антисоветскую кампанию, и японцы привыкли воспринимать северные территории как *ko-unpogu-yodo* (что может примерно переводиться как «неотъемлемые территории»), в то время как советская сторона просто игнорировала проблему и советский народ не имел представления о территориальных претензиях со стороны Японии. В конце 1960-х и начале 1970-х годов для Советского Союза был гораздо более важен пограничный конфликт с Китаем, и потому военное столкновение на острове Даманский / Чжэньбаодао переросло в антикитайскую риторику.

Такое положение сохранялось до прихода к власти Михаила Горбачёва. Его новое мышление в вопросах внешней политики изменило Советский Союз. Фактически он пошел на компромисс с Китаем по поводу пограничных споров. Остров Даманский был официально признан частью Китая, и сотни островов на приграничных реках, которые были заняты СССР, должны были быть переданы Китаю на основании договора «О границах» 1991 года. Более того, перестройка дала свободу самовыражения, позволяя людям действовать даже активнее, чем Горбачёв мог предполагать. Свободные СМИ стали легко создавать политические образы в сознании людей. Пограничные споры с Китаем являются одним из примеров такого образа (например, «предателя» Горбачёва, продавшего острова Китаю). По ходу дела был также поднят и долго замалчиваемый вопрос Южных Курил. Борис Ельцин, который сменил Горбачёва и нёс непосредственную ответственность за распад СССР, подошел к территориальному спору с Японией крайне осторожно. После разрешения вопроса о границе с Китаем и с новыми независимыми республиками, вопрос Южных Курил оставался нетронутым отчасти потому, что Япония не изменила свои претензии на все четыре острова. В результате этот территориальный спор стал последним, который Россия имеет со своими соседями.

Действительно, проблема, даже если и была создана изначально «холодной войной», имела большое значение для местных жителей и экономической жизни на данных территориях. Площадь этих островов составляет 5 000 км, на них проживает более 10 000 человек. Это значительные цифры по сравнению с т. н. «скалами» (как Такесима и Сенкаку). Поэтому Северные территории были значительны и сами по себе в качестве островов (пусть даже их определенный образ был создан политически). Кроме того, были сформированы группы и объединения бывших жителей данных территорий, что впоследствии переросло в целое движение времен «холодной войны». Это движение давило на официальный Токио, требуя сохранить претензии на все четыре острова. Поэтому, когда Россия стала пытаться идти на компромисс в 1990-х годах, Япония продолжала лелеять романтическую, но бескомпромиссную надежду вернуть все четыре острова.

Тем не менее, когда «холодная война» завершилась, изменились и отношения между двумя странами. Япония и Россия перестали быть врагами, но стали потенциальными партнерами, готовыми к сотрудничеству в различных международных областях за пределами двустороннего сближения. Хотя территориальный вопрос блокировал развитие отношений в

1990-е и 2000-е годы, новый импульс был дан в 2010 году. Огромные объёмы торговли, углубление энергетической взаимозависимости и сотрудничество в атомной сфере подтолкнули развитие российско-японских отношений, независимо от проблем Северных территорий / Южно-Курильских островов. Сегодня отношения продолжают развиваться, словно никаких территориальных споров нет. На фоне этого бурного развития Япония осуществляет политику «Китай — враг № 1». Действия Японии, направленные на «усмирение Китая», или использование «китайской угрозы» в международном контексте, хорошо работают на укрепление союза США — Япония, а также для привлечения к нему России.

Короче говоря, российско-японские отношения по-прежнему в процессе оформления, многое ещё только предстоит сделать. Вопрос Северных территорий — уже не главный приоритет во внешней политике Японии в отношении России, этот вопрос в настоящее время некоторым образом «переформатирован». С другой стороны, для России он является последним территориальным спором, поэтому Россия в меньшей степени обеспокоена негативными последствиями какого-либо компромисса. Россия может также относиться к вопросу как к «переформатированному»: последнее сообщение главы МИД Сергея Лаврова о «нетерриториальном споре» с Японией может быть истолковано более позитивно (имея в виду, что это заявление было сделано накануне российско-китайского договора по острову Большой Уссурийский: Россия, чтобы деполитизировать ситуацию, выступила с заявлением, что это был не «территориальный вопрос», а лишь «незначительное урегулирование границы»).

Ещё более проблематичным является текущая позиция Японии по Китаю. Япония педалирует «китайскую угрозу», пытаясь вовлечь в этот вопрос Россию, сама Россия, кажется, не склонна к такому «вовлечению». И наоборот, если Япония будет склонна приуменьшать важность территориального вопроса в оправдание Китая, суверенитет Японии над островами может быть поставлен под вопрос. Эта дилемма заставляет Японию приостановить движение к решению территориальной проблемы с Россией. Короче говоря, Северные территории, похоже, находятся «в замороженном состоянии» вместе с любыми формальными аспектами дискурса.

Токто / Такесима

Когда мы рассматриваем исторические события, вопрос Такесимы является наиболее запутанным. Независимо от того, какие истории рассказывают Корея и Япония об этих маленьких скалах, для нынешней ситуации они не являются существенными. Легче сразу развенчать мифы об этих скалах: первоначально предложенная корейская «Линия Ли Сын Мана» не включала Токто; давние локальные интересы Японии в Куми (Окиносима) — это охота на тюленей и добыча трепангов. В действительности же некоторые местные японские и корейские рыболовы (родом с островов Чоннам и Чеджу) совместно осваивали острова и окружающее море (или, говоря точнее, они осваивали морскую зону, включающую, в том числе и маленькие скалы). Известный антрополог Сеульского национального университета отметил, что Корея в течение длительного времени игнорировала землю Уллындо рядом с Токто, уделяя большее внимание острову Токто. И действительно, с точки зрения Кореи Токто является в высшей степени искусственным продуктом.

У Японии другая история этого вопроса. Как я упоминал ранее, правительство Японии провело общенациональную кампанию по возвращению Северных территорий, и всем префектурам было предложено организовать свой собственный филиал национального движения. Но одна префектура, Симанэ, сопротивлялась из-за существования Такесимского вопроса. В результате Симанэ присоединилась к этой программе последней, но с определённой оговоркой, связанной с движениями за возвращение Северных территорий и Такесимы. Тем не менее действия префектуры Симанэ в направлении Такесимы никогда не выходили за рамки бюрократических акций. До конца 1990-х годов не существовало административного отдела в управе города Мацуи в отношении Такесимы, хотя небольшой лозунг на вывеске у мэрии гласил: «Вернём Такесиму». До того, как «День Такесимы» был впервые отмечен в префектуре в 2005 году, политический образ острова не был сконструирован в Японии, хотя местные заинтересованные стороны жаловались на корейский контроль над островами и морской зоной.

Вполне естественно, что национальные политические устремления не работали в пользу оформления проблемы Такэсимы в Японии. Она должна была позиционироваться как

проблема, вызванная процессом деколонизации Японской империи. Вопрос является территориальным — пограничным для колонии и метрополии. Старшее поколение в Японии осознавало это, а потому было терпимо к корейским претензиям. Кроме того, состояние «холодной войны» поддерживало здесь статус-кво после оккупации Кореей этих скал в середине 1950-х годов. Хотя Корея и Япония столкнулись с некоторыми проблемами исторического характера, все они были заморожены и отложены в сторону из-за коммунистической угрозы в Восточной Азии. Хотя непосредственного альянса между Японией и Кореей не было, отношения между ними фактически находились в общем русле американско-корейского и японо-американского взаимодействия. Противостоя КНДР и КНР, обе страны, особенно Корея, имели мало возможностей поднимать территориальные вопросы. Корея до сих пор имеет гораздо больше проблем с демилитаризованной зоной и северной разграничительной линией.

В 1990-х годах региональная подсистема в Восточной Азии полностью изменилась: демократизация Кореи, установление советско-корейских и китайско-корейских дипломатических отношений, а также совместное вступление в ООН РК и КНДР. Поэтому международное положение Кореи значительно улучшилось, а страна стала менее зависимой от США и Японии. В этой ситуации Япония оказалась лёгкой мишенью для удара. Основой легитимации режима в Корее в период «холодной войны» был «антикоммунизм», который потерял со временем свою убедительность. Поэтому был нужен новый символ национального единения для преодоления региональных, социальных и экономических проблем. «Антияпонизм» стал для этого подходящим слоганом: Японию безопасно критиковать (в отличие от Китая), и нет никакой опасности, что Япония силой отвоюет Токто, который теперь стал изображаться как символ японского империализма.

Музей Токто, основанный Фондом Истории Северо-Восточной Азии в 2012 году, является прекрасным местом, иллюстрирующим, насколько эта проблема политически сконструирована. Множество мифов было выставлено напоказ: диорама Токто выглядит как горные пики (на самом деле это всего 0,25 кв. км, размером с небольшой парк), плакаты и 3D-фильм показывают моря вокруг Токто, богатые природными ресурсами (на самом деле на глубине до 2 000 метров рыбы мало), неправильные топонимические объяснения касательно Токто (сказано, что Корея владеет несколькими островами, которые названы старым Токто, что не имеет каких бы то ни было доказательств). В целом стенд, посвященный японским провокациям, обманчив: говорится о тысячах провокаций касательно Токто, но детали расходятся с реальностью (они просто показывают число статей и документов о Такесиме, замечания каких-нибудь политиков. Если японец использует имя Такесима, а не Токто, этого достаточно для включения этого случая в список провокаций). Объективно экспозиция музея отнюдь не демонстрирует убедительность корейских претензий. Серьёзный исследователь из Фонда, который руководит музеем, неохотно объясняет детали профессиональному исследователю. Ежегодно посещают музей почти 40 000 человек. Это лишь сто посетителей в день — весьма небольшая цифра, учитывая, что музей нацелен на молодую аудиторию. Трудно сказать, как много простых корейцев посещают этот музей.

История разоблачения мифов коренится в местных представлениях. Корейский Пхохан на восточном побережье является центром рыболовства вблизи Токто. Любопытно, что местные предпочитают сохранять статус-кво относительно признания Токто за Японией. Причина в том, что текущее временное совместное рыболовство в зоне вокруг Токто для них очень выгодно. Если Япония признает суверенитет Кореи над Токто и зона исчезнет, они потеряют возле берегов Японии огромную территорию, богатую рыбой. Таким образом, они не желают, чтобы Япония отказалась от претензий на Такесиму. С другой стороны, они никогда не признают этого публично. Так являются ли они на самом деле «предателями» Кореи?

В свою очередь Япония начала создавать образ Такесимы серьёзней, чем раньше, до того, как Ли Мён Бак посетил Такесиму в 2010 году. Тогда премьер Есихико Нода выступил против корейской провокации и заявил, что Япония готова к односторонней подаче иска в Международный суд ООН. Местные жители в Симанэ и Окиносиме были рады услышать быстрое решение Демократической Партии Японии и бросились завершать создание музейных экспозиций, которые состояли из описания традиционных местных мероприятий, фотографий прошлого и артефактов с Такесимы довоенного периода. Как бывшая метрополия, Япония имеет гораздо больше документации об островах, чем Корея. Японцы придерживаются соб-

ственной исторической позиции и стремятся восстановить хороший имидж Такесимы в глазах общественности. Успех администрации Абе, более жёсткое противостояние Кореи в исторических вопросах, таких как «женщины для утех», приуменьшают проблему Такесимы. Для Абэ, территориальные споры с Кореей и Россией являются менее значимыми. Поэтому Япония будет пытаться «заморозить» этот территориальный спор в контексте политики «Китай — враг № 1».

Сенкаку / Дяоюйдао

Представление о Сенкаку в китайской риторике более обыденно. Существует много доказательств того, что Китай признавал Сенкаку частью территории Рюкю (Япония) до 1968 года, когда Китай впервые заявил о том, что остров является его собственностью: Династия Цин направила официальное письмо с благодарностью за то, что (жители) Рюкю спасли пострадавших (китайцев) рядом с Сенкаку; китайские коммунисты опубликовали сообщение о поддержке движения в Рюкю, в том числе в Сенкаку, против США в 1960-х годах и так далее. Логика проста: раз Тайвань заявил о своих суверенных правах на Сенкаку, коммунистический Китай продолжил стоять на своем: поскольку Тайвань является частью Китая, острова Сенкаку также должны быть его частью.

Для тайванцев этот вопрос очень непростой. Море вокруг островов Сенкаку на восточном побережье Тайваня было зоной рыболовства. В частности, с 1895 года, когда Тайвань стал колонией Японии, местные тайваньцы работали там наравне с японцами (жителями архипелага Яэяма). Когда Япония потерпела поражение, тайваньцы были изолированы от японцев (как и корейцы) и потеряли свои прошлые права с формулировкой «иностранцы». Им было официально запрещено использовать территорию, как то могли делать японцы Яэяма.

После вступления в силу Сан-Францисского договора в 1952 году, Сенкаку, как и другие области Окинавы (часть Сенкаку использовалась американскими военными для проведения учений), контролировались США. Тем не менее контроль США над удалёнными островами был утрачен, и местные тайваньцы легко проникали в этот район. Часто они и местные жители Яэяма использовали острова и прилегающую акваторию для добычи пищи и воды. Ситуация осложнилась после передачи Окинавы обратно Японии и сопротивления Тайваня одностороннему решению США. Когда возросла эксплуатация морских ресурсов, отчёты ООН об их потенциале близ Сенкаку еще более усугубили ситуацию. Тайвань заявил о претензиях на территорию, и Китай, как упоминалось ранее, последовал его примеру. Тем не менее позиция Тайваня по данному вопросу была более гибкой, так как Ли Дэнхуй сразу признал Сенкаку частью Японии. Тайваньские местные жители, боясь потерять острова и акваторию, которые они считали своей традиционной средой обитания, обязаны были заявить о своих претензиях на них, чтобы сохранить свои права в этой области. В свою очередь Япония, признававшая территорию как свою собственную, не в полной мере учитывала значимость Сенкаку. В те дни острова были всего лишь удалёнными точками на карте, и их «обслуживание» влекло огромные затраты. Япония, естественно, уделяла пристальное внимание главным островам Окинавы и сосредоточилась именно на их ускоренном развитии. В этом смысле «переоткрытие» Японией Сенкаку — явление относительно недавнее.

С тех пор китайские действия в отношении островов Сенкаку добавили новое измерение этой проблеме. Интересы Китая выявлялись в процессе передачи Соединёнными Штатами Окинавы Японии, сближения между США и Китаем и переговоров между Японией и Китаем по поводу мирного договора. Поскольку процесс был сопряжён с преобразованием морского права в 1970-х годах, исторические дискуссии и переплетающиеся интересы осложнили переговоры. Пришло время для создания образа Сенкаку.

Тем не менее «холодная война», а точнее — политика «Советский Союз — враг № 1», укрепила сотрудничество Китая и Японии, и проблема Сенкаку была отложена. Независимо от наличия официального соглашения по данному вопросу, расклад был весьма эффективен. Такое положение дел поддерживалось до конца 1990-х годов, когда американо-японский альянс был пересмотрен. Даже премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми, регулярно ездивший и молившийся в храм Ясукуни, не арестовывал китайцев за «нелегальный» въезд в Сенкаку, а просто депортировал их в Китай. Поворотный момент наступил в октябре 2010 года, когда китайские рыбаки были задержаны японской морской береговой охраной и

их капитан был арестован. Хорошо известно, что Китай жёстко отреагировал на этот инцидент, и по стране прокатилась волна антияпонских демонстраций.

Китай должен был использовать эту возможность, чтобы пересмотреть вместе с Японией существующий режим относительно Сенкаку. Принимая во внимание геополитическую карту Восточной Азии, Япония выглядит как «непотопляемый флот», который мог бы сдерживать продвижение Китая в сторону Тихого океана. Теперь, когда Япония претендует на обширную ИЭЗ на своих островных пунктах, свобода открытого моря будет ограничена: некоторые интерпретации пунктов Конвенции ООН по морскому праву запрещают военноморские учения и исследования в ИЭЗ других стран. Если белые фишки становятся черными, как в игре реверси, Китай может расширить зону своих владений.

Проблема Дяоюйдао (Сенкаку) имеет решающее значение для интересов Китая. Как же должен быть сконструирован политический образ? Исторический подход здесь вполне уместен. В частности, проблема Сенкаку тесно связана с проблемой Тайваня и действиями Японии по налаживанию взаимодействия этих островов с Рюкю в годы китайско-японской войны. В период после окончания «холодной войны» китайские коммунисты постепенно становились на антияпонскую (антиколониальную) позицию. Сенкаку стал одним из ее символов, и Китай, используя проблему с островом, сыграл на «исторически ревизионистском» образе Японии. Китай относится к Японии как к «плохому парню», надеясь избежать критики за то, что сам он был одним из главных ревизионистов регионального порядка и геополитических отношений. Недавняя бурная деятельность Абэ способствует оправданию действий Китая. Теперь проблема Дяоюйдао стала исторически структурированной, имеющей также потенциал превращения в политического монстра.

Для Японии вопрос Сенкаку далеко не так труден, как может показаться. Это объясняется тем, что Япония рассматривает Китай как угрозу, которая в дальнейшем будет провоцировать кризис в Сенкаку. Все это помогает убедить США заключить союз с Японией, компенсируя недавнее предложение Китая о новом типе «отношений великих держав» с США. Сенкаку постепенно превращается в огромную искусственно сконструированную проблему.

Сравнение случаев на предмет степени искусственности «конструирования»

Приводимые ниже рисунки иллюстрируют три вышеуказанных тематических исследования:

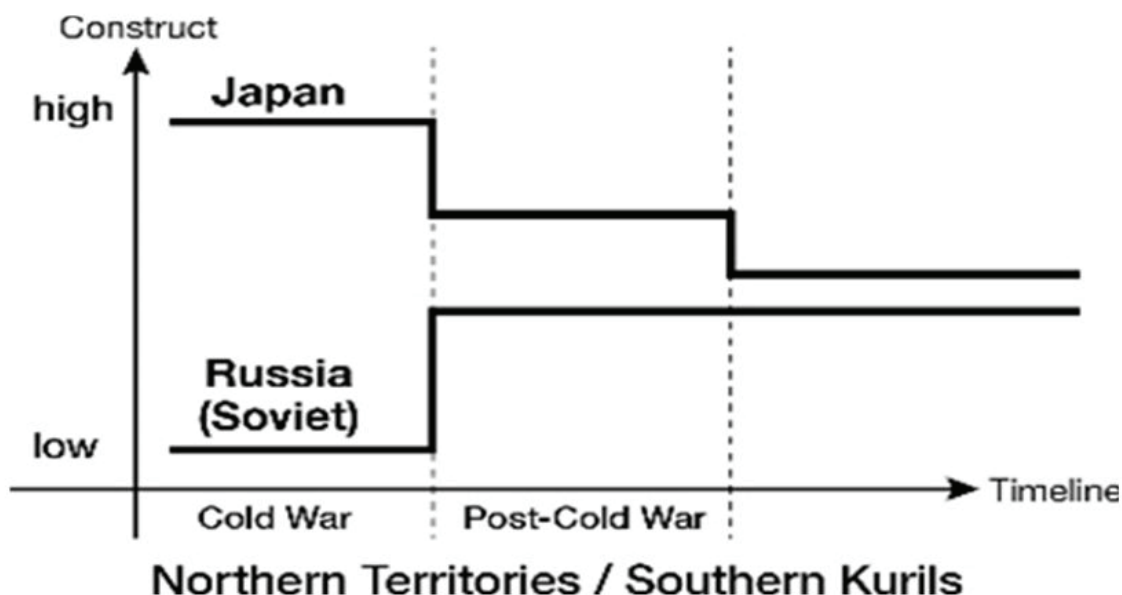

Рис. 1. Северные территории / Южные Курилы

Примечание: Вертикальная ось: концепция (сверху / вниз) — высокий уровень / низкий уровень. Горизонтальная ось: временная прямая (слева / направо) — «холодная война» / период после «холодной войны».

Созданный Японией образ Северных территорий явно находится на пути к демифологизации. Причины следующие: 1) долгие непродуктивные дискуссии; 2) отсутствие новых нераскрытых фактов; 3) безынтересность и неэмоциональность; 4) общее понимание наличия тупика на данном этапе. Снижение уровня конструирования образа может стать хорошим шансом для решения этой проблемы. Тем не менее существуют и препятствия. Даже при условии управления национальным образом в обеих странах заинтересованные стороны по-прежнему продолжают делать ставки. Фактически политики должны рисковать и идти на некоторые уступки в спорах. Заинтересованные группы, включая бюрократию и бизнес (некоторые из них зарабатывают на территориальных спорах), будут помехой на пути решения этой проблемы. Другим препятствием является низкий приоритет территориальных вопросов для политиков обеих сторон. Поскольку вопрос Северных территорий сейчас нейтрализован (пусть и не решён), мотивация для окончательного разрешения конфликта также невелика. Хотя вопрос Северных территорий является одним из наиболее важных для японско-российских отношений, в целом он не занимает значимого места в политическом процессе обеих стран. В Японии акцент сосредоточен в первую очередь на США, Китае и Корее, в то время как Россия сегодня сосредоточена на Украине, ЕС и США.

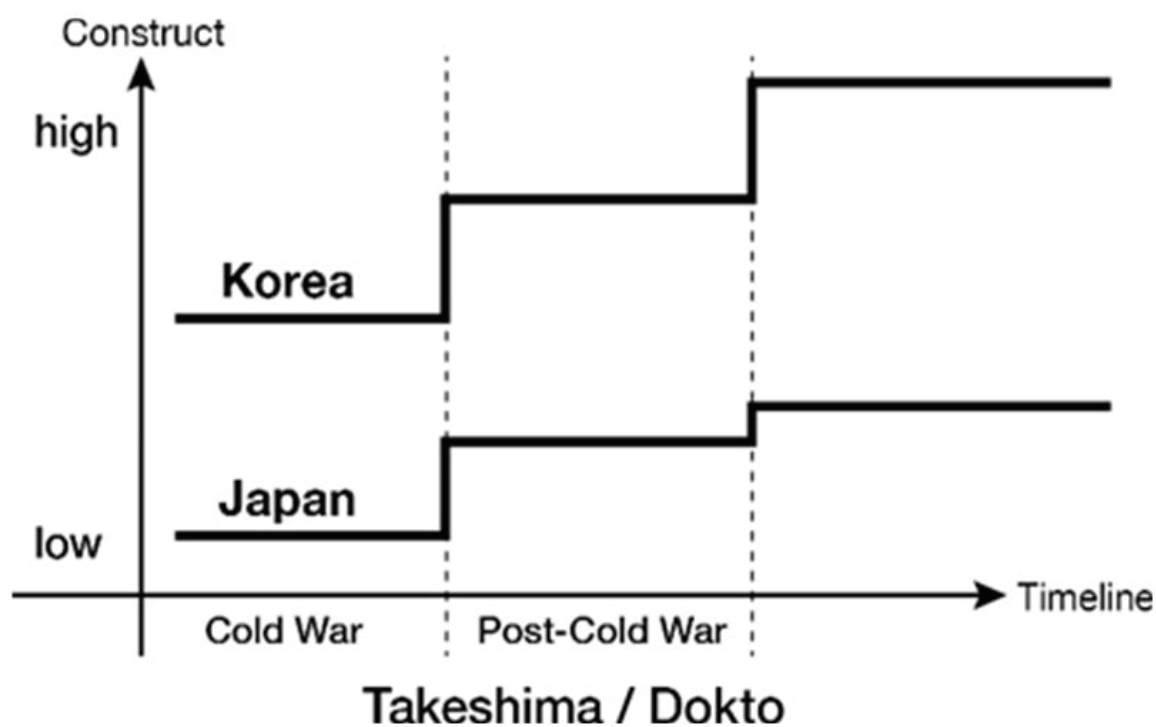

Рис. 2. Такесима / Токто.

Примечание: Вертикальная ось: концепция (сверху / вниз) — высокий уровень / низкий уровень. Горизонтальная ось: временная прямая (слева / направо) — «холодная война» / период после «холодной войны».

Корейская концепция образа Такесимы, а вслед за ней и японская возросли. Однако проблема Такесимы, хоть и важна, является лишь одной из множества аспектов японско-корейских отношений. Когда нынешнее правительство Японии действительно изменит политику оценки прошлого, ситуация может измениться. В частности, динамика событий в Восточной Азии может повлиять на эту проблему. Если северокорейский режим рухнет, при том что Корея и Китай будут иметь прямую границу по рекам, реалии конфронтации мгновенно исчезнут как призрак (хотя призрак может вернуться позже).

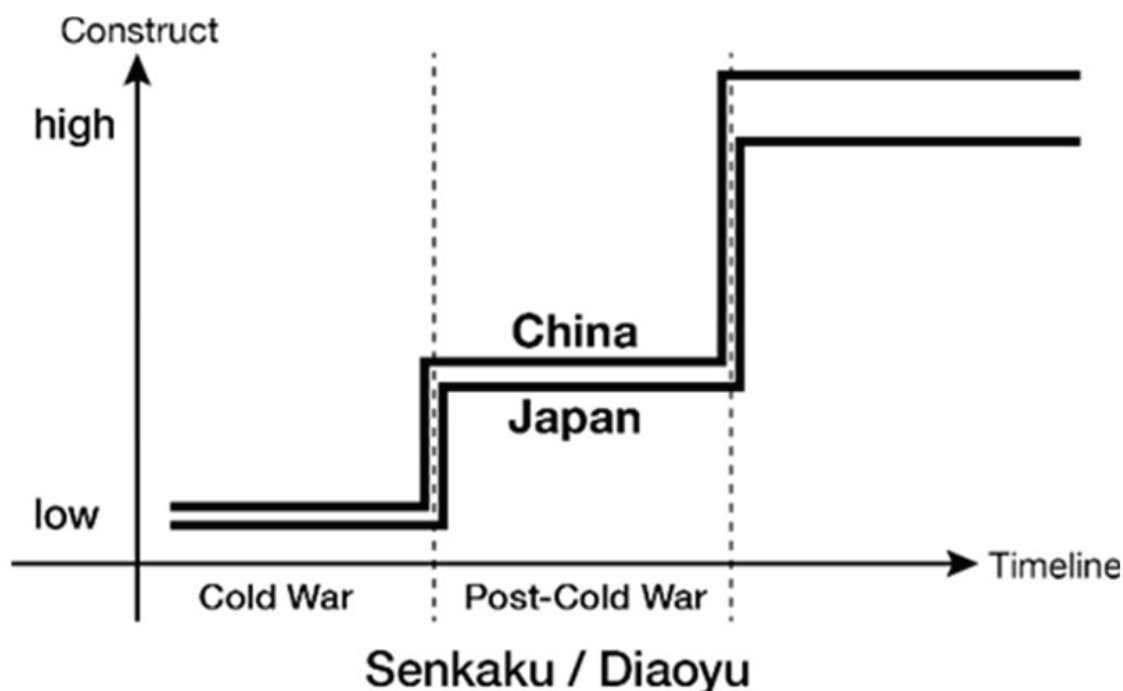

Рис. 3. Сенкаку/ Дяоюйдао.

Примечание: Вертикальная ось: концепция (сверху / вниз) — высокий уровень / низкий уровень. Горизонтальная ось: временная прямая (слева / направо) — «холодная война» / период после «холодной войны».

В отличие от двух предыдущих случаев сконструированный образ Сенкаку активно развивается, становясь опасным из-за своей «незаметности». Китай и Япония имеют мало опыта в диалоге о принадлежности островов. Новизна этой проблемы часто звучит сенсационно и питает растущий национализм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Сконструированные» образы спорных территорий выступают как дипломатический инструмент, помогающий государству максимизировать его интересы на международной арене. Но иногда этот инструмент играет самостоятельную роль и угрожает интересам той или иной страны, даже вопреки ожидаемому результату. Есть хорошие примеры изучения истории «холодной войны», когда команда исследователей (в основном базирующаяся в США) была в восторге от приверженности Мао Цзэдуна советско-китайскому военному конфликту и китайско-американскому сближению в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Некоторые, основываясь на замечаниях в документах Мао, утверждают, что он спровоцировал Советский Союз на конфликт на острове Чжэньбаодао / Даманский искусственно, чтобы привлечь внимание США. С точки зрения приграничных исследований эта гипотеза звучит наивно, потому что официальные документы раскрывают долгую историю споров о 3 000 км речных границ. Вопрос Чжэньбаодао был верхушкой айсберга, и многие проблемы более серьёзного и глубокого противостояния между двумя странами остались скрыты. Если вы представите себе огромные затраты, которые Китаю пришлось бы понести на провокации (сплошной конфликт на протяжении всей границы, жертвы среди солдат, советские угрозы ядерного нападения и так далее), то поймете, что конфликт на границе мог поставить под угрозу существование самого Китая.

Текущее мышление лидеров Восточной Азии может быть схожим с мыслями историков «холодной войны», которые искусственно выстроили границу и считали это инструментом дипломатии. Люди должны понять, куда это мышление ведёт нас: принесение в жертву населения окраин, потеря территорий и катастрофические результаты для народов в целом. Ни китайцы, ни корейцы, ни японцы никогда не выйдут победителями из этой игры.

CONSTRUCTED TERRITORIES: FEATURING A FANTASY OF EAST ASIAN BORDER DISPUTES

Akihiro Iwashita, Professor, Slavic-Eurasian Research Center,
Hokkaido University, Japan.

Summary:

The author considers practical and historical aspects of territorial conflicts between Japan and neighboring countries, i.e. with Russia on South Kuril islands (Northern territories), with China on Diaoyudao (Senkaku) islands and with Korea on Tokto (Takeshima) island. Theoretical issues of so called “constructed territories” in these three cases are analyzed. These constructed territories act as a diplomatic tool for a state to maximize its interests in the international field. But no win for no country in this dangerous game is expected.

Keywords: *Territorial disputes, constructed image, Russia, Japan, Korea, China.*